

ОН БЫЛ...

Общественное и личное о Маркелове

Это никакой не «некролог» о моем (и нашем) товарище Станиславе Маркелове. Это — попытка осмыслить то, как жил, и за что умер Стас.

Ты никогда не будешь старым
Угрюмым мрачным ворчуном,
Понявшим: жизнь пропала даром,
И сожалеющим о том.

Но вечно юным зубоскалом,
Жизнь превратившим в карнавал,
Успевшим совершить немало,
Убитым в спину наповал.

28 января 2009 года

Не каждого

— Ну и ну! — громко возмущался рядом со мной пожилой полный мужчина в сером пальто.

— Дожили! Выходит, каждого из нас могут вот так вот запросто в центре Москвы среди белого дня застрелить из пистолета!

— Не каждого. Каждого не нужно, — тихо ответил я. — Это еще надо заслужить.

Он замолчал и угрюмо задумался. Дело было на Пречистенке, около дома №1 двадцатого января 2009 года около тринадцати часов.

Две смерти: 2009–1989

Я вспоминаю декабрь 1989 года. Москва хоронит академика Андрея Сахарова. Действительно — вся Москва. Это не преувеличение. Тысячи, тысячи, тысячи людей в жуткий мороз, зябко кутаясь, поеживаясь, тянутся длинным-длинным шествием по молчащим улицам. Ощущение дикого, смертельного холода и холодной тоски. Но и какой-то светлой грусти. Умер тот, кого многие называли «совестью России». Умер старым, в своей постели, на пике славы и признания, в разгар борьбы. Неугомонный Евгений Евтушенко разразился стихотворением, которое в виде листовки покрыло стены города. Из него помню две строчки: «Мы потеряли Первозванного, Который Правдой Русь крестил».

Пусть, как обычно у Евтушенко, напыщенно, высокопарно и безвкусно, но так, и правда, чувствовали многие: «Совесть наша умерла». Стаса Маркелова мы все считали «нашим защитником». Как же это удобно: один человек — твоя совесть, другой — твой защитник. Но когда они уходят, что остается?

Итак, декабрь 1989. Тоска и надежда. Нас много, мы победим. С нами вся Москва, весь народ. Сахаров умер, пожив достойно и долго, его дело будет продолжено. Его «Карфаген должен быть разрушен», возглашаемое с трибуны Съезда народных депутатов скоро сбудется.

А вот — январь 2009. Москве нет дела до Стаса и Насти, убитых такими юными. Москва не знает, не желает знать о них. Мало ли убивают адвокатов и журналистов. Москва реагирует, как Швейк на убийство в Сараево: «Кого надо, того и убили».

На Пречистенке негустая жиденькая толпа потерянно жмется у обочины под недовольными взорами милиционеров. Свечи на снегу, как капли крови. Милиционеры охраняют — то ли нас, то ли — от нас.

Я пытаюсь представить себе, что было бы, если бы сюда пришли вдруг все друзья и знакомые Стаса, все те, кого он согревал своим буйным хохотом, кому помог как умел — по-адвокатски или по-человечески: все социал-демократы, анархисты, правозащитники, антифашисты, отказники от воинской службы, участники экологических

лагерей «Хранителей Радуги», Прямухинской Вольной Артели, «Мемориала». Если бы пришли и встали вокруг все те, кого Стас защищал: зверски избитые ОМОНОм сотни жителей башкирского Благовещенска, химкинцы, борющиеся за спасение своего леса, рабочие целлюлозно-бумажного комбината в Советске под Выборгом, захватившие свой завод (власти применили против них оружие), родственники мирных чеченцев, замученных российскими военными... Если бы они все собрались и вышли на эту улицу — неужели ничего бы не изменилось в мире?

«Две смерти» — так называлась одна из последних статей Стаса. В ней он сравнивал подобострастную и лицемерную реакцию российского общества на смерть высшего церковного иерарха и реакцию греков на убийство полицией мальчика-анархиста. Сравнение выходило явно не в пользу России. «Две смерти» — название пророческое. И я невольно сравниваю нашу реакцию — общества и свою — на другие две смерти: тогда, в декабре 1989 года, и сейчас, в январе 2009.

Миф

Долговязая фигура, зычный хрипловатый и теплый голос, раскатистый, буйный смех. Шутки-прибаутки. Бесшабашная бравада. Колоритные фразочки, вроде «да что нам, кабанам лесным?» Ему и в самом деле море по колено, или так только кажется? Галантность в отношении к барышням. Дружелюбие. Хипповские словечки обильно и стильно украшают речь («герла», «пиплы», «ксивники» и проч.). Речь вкусная, игривая, переливающаяся. Попытки (безуспешные) острыми разухабистыми словами слегка смягчить свой рвущийся наружу пафос романтика, прикрыть чересчур явную доброту и сентиментальность.

Стас (это мне кажется важным!) очень увлекался мифологией. В Прямухино читал нам лекции о героях русских сказок — Бабе Яге, Кощее Бессмертном, вскрывая их архетипическую природу, очень любил читать сказки народов мира — не адаптированные для детей, а неприглаженные, аутентичные, часто жутковатые. Он всегда интуитивно тянулся к Мифу. Миф оформляет мир, структурирует и оживотворяет его, задает миру смыслы. Наречь вещь — значит создать.

Стасу, как мифотворцу, не было равных в наречении людей, в придумывании прозвищ. Этот балагур, острый на язык, давал своим друзьям и знакомым клички («погонялова» — говорил Стас), прилипавшие намертво — точные, сочные, выразительные. Как-то я сказал ему то же, что княжна Мэри Печорину: «Я предпочел бы попасться в лесу на нож разбойника, нежели тебе на язык». Я всегда радовался, что не получил от Стаса никакой клички (а сейчас даже жалею — вот и еще что-то осталось бы во мне от него). Но среди нас сейчас ходят, поэтически нареченные Стасом: Наташа-«Ватрушка», Рита-«Лобстер», Оля-«Гангрена». А вот «Атамана» уже

нет... Так Стас нарек Игоря Подшивалова, с которым впервые подружился в Прямухино в 1996 году.

Вообще, он очень любил языковые игры — не только из любви к Мифу, но и от избытка творческих сил. Помнится, в Прямухинской Вольной Артели 1996 года (где Стас, только что закончивший вуз, стал заводилой и вожакom целой тусовки анархо-панков и постоянным лектором на наших вечерних собраниях. Когда его просили прочитать лекцию, он спрашивал: «А о чем вы хотите?» Он знал исключительно много и мог рассказывать то про историю социализма, то про мифологию, то про хипповскую Систему, то про эстетическую утопию Рихарда Вагнера, хотя любил прикидываться невеждой.

Так вот, в Прямухинской Вольной Артели 1996 года мы развлекались со Стасом весьма оригинальной забавой, а именно: русско-русскими переводами. Я говорил какую-нибудь «заумную» философскую фразу. Стас делал вид, что не понимает ее смысла (он любил пользоваться личинами — то невежды, то принципиально «беспринципного» и «безыдейного» человека, то брутального апологета хаоса, — это было частью игры), я делал вид, что верю ему и терпеливо растолковывал, после чего он... переводил ее на хипповский слэнг. В результате, как и следовало ожидать, выяснялось, что слэнг хиппи не очень-то пригоден для высокой философии.

Но было весело. Например: «Категорический императив Канта, — говорил я, — гласит: поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать принципом всеобщего законодательства». Стас переводил: «Двигай так, чтобы твои заморочки в натуре пришлись по кайфу пипловой тусовке». Или: «Все действительное — разумно, все разумное — действительно» (Гегель). Стас: «Все, что в натуре, по кайфу, все, что по кайфу, в натуре!» Или: «Я агностик, но не солипсист» (последнее изречение принадлежало лично мне). Стас: «В астрал врубаться беспонтово, но по жизни меня не глючит».

Последним его переводческим шедевром был Вольтер. «Ваша точка зрения мне глубоко ненавистна, но я готов отдать жизнь за ваше право ее высказать», — в Стасовой редакции эта максима звучала так: «Твои заморочки мне в облом, но я кинусь, чтобы ты мог толкать свои телеги»...

И этот хиппарь, весельчак, задушевный балагур, неформал до мозга костей, любивший и ночные разговоры тет-а-тет, и авантюры — сорваться и бежать куда глаза глядят сломя голову, — мог быть совсем другим. Своим — в неприятном, холодном и грязном казенном мире оперов, прокуроров, следователей. Застегнутый на все пуговицы, отлично ориентирующийся в любой ситуации, уверенный в себе, надежный, подтянутый, бесстрашный, раздающий интервью и проводящий пресс-конференции на чистейшем и литературнейшем русском языке.

Как ему удавалось совмещать человеческое тепло, чистоту и сентиментальность с жесткой и страшной работой законника? Как удавалось столько всего успевать, со столькими общаться, столько знать (история, мифология, религия, литература, право)? Как удавалось, будучи таким деловым, эффективным, в нечеловеческих условиях оставаться живым и человеческим? Своим примером (впрочем, совершенно исключительным), своей жизнью Стас доказал: можно быть глубоко идейным человеком, не будучи партийным фанатиком, можно быть адвокатом и оставаться порядочным человеком. Он и жил не напрасно, и погиб не случайно. Он состоялся, как человек, прожив короткую, но по-своему совершенную — завершённую жизнь. Теперь он ушел в Миф.

НАСТЯ

Небольшие воспоминания анархиста Н.

Настя Бабурова, застреленная вместе со Стасом Маркеловым, была не только внештатной журналисткой «Новой газеты», но и анархисткой. Участвовала в куче акций, за пару дней до смерти вступила в «Автономное действие». Верстала прошлый номер «Автонома». Мы помним и не простим. Публикуем небольшие воспоминания одного из ее друзей.

Осень, ночь (даже раннее утро), моросит дождь, мы сидим на кухне и пьем горячий чай, прислушиваемся к скрежету веток в окно. Двое странников, нашедших приют на вписке после тяжелой и напряженной ночи. Наши товарищ и товарка спят в соседних комнатах, а мы спорим. Она всегда очень мягко и по-доброму спорила. Настя была способна спорить со мной часами, не поддаваясь на провокации, передергивания, переходы на личности и прочие грязные трюки. Иногда мне казалось, что передо мной — огромное спокойное ночное озеро. И ничего кроме своего отражения я в нем не вижу. Когда я подал ей первую чашку у-луна, меня встретил теплый взгляд, улыбка, и мягкий, заботливый голос. Спустя три часа, на рассвете, я изголялся, выходил из себя, язвил, пытаясь убедить ее в своей правоте. Все те же теплый взгляд, улыбка и мягкий, заботливый голос.

Мы до утра рассуждали о журналистике, прямом действии, об опасности публичной деятельности, о Политковской, RAF, Майнхофф... Я пытался убедить ее, что она занимается очень опасным и непопулярным в стране делом: журналистикой. Она пыталась убедить меня в том, что я занимаюсь не менее опасным и непопулярным в стране делом, которое она всей душой поддерживает и готова освещать, когда будет нужно. Это была одна из последних наших встреч, но она больше всего запомнилась именно той теплотой и заботой, которой Настя окружила меня и наших друзей. Я будто погрузился в теплые воды большой реки. Я говорю не об интимной близости или чем-то физическом. Это было нечто большее — состояние

абсолютного покоя и уюта. До сих пор не знаю, как ей это удавалось. В совершенно разных обстоятельствах, при разной степени угрозы и напряжения, будь то массовые протесты или прогулки с друзьями, Настя излучала покой, радость, оптимизм. Верила в себя и нас. Верила, что мы действительно делаем что-то, чтобы изменить мир к лучшему.

Зима, ночь, сильный ветер и метель. Мы встречаемся на улице, я уезжаю, передаю ей часть скопившихся книг и беру адреса вписок. Она прибежала ради меня с тренировки и даже не передела свои смешные сапоги «а-ля черепашки-ниндзя». Я мерзну, дрожу, мысли скачут. Она улыбается мне, часто берет за руку, голос спокоен и тих. Мы договариваемся не терять связь, несмотря ни на что.

Весна, поезд, набитый анархистами и антифашистами. Я обращаю внимание на девушку, которой не по себе, потому что она одна среди целого вагона якобы единых и непобедимых. Иногда мы можем быть очень жестоки. Прошу свою знакомую (такую же до сих пор одинокую в нашей среде) познакомиться. Она улыбается, и скоро я знаю, что Настя — журналистка, учится и работает, и ей не нравится, что происходит в стране. Еще она занимается какими-то единоборствами. Как мило.

Лето, мы сидим у костра. Звездное небо, искры поднимаются к звездам. Мы смотрим вверх. Настя учит меня игре на флейте. У меня совсем не получается. Она достает вторую и играет вместе со мной. Покрывает мой провал. В благодарность на следующий день я стойко отсиживаю себе задницу во время нудной серии лекций. Настя выступает одной из последних, и я с трудом сижу на одном месте, лишь бы дослушать.

Осень. Настя идет в сердце черного блока, менты видят, а потом чувствуют летящие бутылки, бросаются к нам. Мы собираемся плотнее, покрепче сжимаем древки флагов (большие палки с маленькими тряпочками красно-черных цветов). Кто-то заряжает «1-2-3-наци-менты», следует еще один залп бутылок. Черно-красные и черно-зеленые, идущие за нами, подтягиваются ближе, и менты решают не провоцировать конфликт. «Они нарушили соглашение — их не должно было быть в окрестностях митинга», — это говорит мне восторженная женщина, которую я знал как очень миролюбивую и уравновешенную. Только что она в окружении малолетних жителей востока закидывала копов бутылками. Я видел, что мы напали первыми, и не мог понять этого, но она свой выбор сделала. Наверняка так же спокойно и весело, как и всегда. АСАВ. Уже позже я понял, что она — они все тогда — были правы. Агрессия была в самом факте, что эти свиньи подошли к нам и стали высматривать среди нас небелых, что они вообще посмели высунуться на улицы и угрожать нам дубинками, газом, собаками.

Агрессия переросла в войну в этом году. Стас и Настя не были первыми — и не стали, к сожалению, последними. Они — лишь двое в бесконечной череде государственного фашистского террора. И все же, когда я вспоминаю Настю, мне почему-то думается прежде всего о теплом чае, осеннем ветре и тихом, согревающим и успокаивающем Настиним голосе. Я не забуду и не прощу, уже много раз не простил, но уж лучше бы вы остались живы, ребята. Мне вас так не хватает!

«Криминальный медик»

С самого начала знакомства со Стасом у меня связывались какие-то веселые, дурачливые, карнавальные ассоциации. Хотя познакомились мы в ситуации, отнюдь не располагающей к веселью. Начало октября 1993 года. Разборка двух ветвей власти, переворот Ельцина и контр-переворот Хасбулатова-Руцкого, привели к нешуточному кровопролитию в Москве.

Горсть социалистов и анархистов, которым были глубоко противны обе высокие стороны конфликта, но небезразличны его жертвы, организовала санитарную дружину имени Максимилиана Волошина. Дружина оформилась 2 октября на баррикадах Смоленской площади, 3 октября помогала раненым на Крымском мосту и у мэрии (где впервые зазвучало огнестрельное оружие), а потом часть наших товарищей поехала в Останкино и попала в кровавую мясорубку. Здесь мы и познакомились со Стасом, студентом-юристом, типичным хиппи (со смешным хвостиком волос и банданой на голове), идейным левым социал-демократом (ЛСД — забавная аббревиатура).

Он сразу же, без разбега, начал мило вышучивать меня. Надо сказать, получалось у него это весьма элегантно — тонко, интеллектуально, и не обидно. Он просто начал называть наш журнал (Конфедерации анархо-синдикалистов, в которой я еще состоял) «Община» — с явным ударением на первый слог. Казалось бы, ну какая разница, на какой слог ударять? Но дело в том — и мы оба это отлично понимали — на первый слог «ударялся» заграничный журнал Сергея Нечаева. Мы — нечаевцы? Ну уж нет!

Впрочем, скоро нам стало не до шуток. Стас жил в Останкино, и та часть нашей сандружины, которая поехала к телецентру, сделала его квартиру своим временным «штабом». Стас, по рассказам товарищей (сам я в Останкино не попал), мужественно помогал раненым под пулями, а потом помогал носить и грузить убитых. Ничего себе испытание для девятнадцатилетнего мальчишки!

Вообще, он был очень смелым человеком. Не скажу: бесстрашным. Говорят, смелый — не тот, кто не боится, а тот, кто умеет преодолевать страх. Стас постоянно оказывался в опасных ситуациях — и тогда, в Останкино, и позднее, когда он вновь и вновь брался за смертельно опасные дела, но как-то умел всякий раз преодолевать страх. (При этом он не терял голову. Однажды — он был защитником по делу Новой Революционной Альтернативы — отчаявшись сладить с ним, ФСБшники поставили его перед дилеммой: или он выходит из дела, или сам садится по нему. Стас сделал разумный выбор). Четыре года назад, весной 2005 года, в вагон метро, где он ехал, ворвались несколько человек. С криком: «Ну что, довы...вался адвокат?» — его били по голове до потери сознания, похитили документы и вещи. Несколько недель он лежал в больнице... Для многих этого «первого звонка» было бы более чем довольно. Но не для Стаса.

Но вернусь к 1993 году. Вскоре после кровавых октябрьских событий я смог наконец-то отплатить Стасу полновесной монетой за его кошунственные шуточки в отношении нашего прекрасного журнала. В своих воспоминаниях о санитарной дружине имени Максимилиана Волошина (напечатанных в сибирской газете «Версия» при помощи Игоря Подшивалова) Ярослав Леонтьев, инициатор и избранный коман-

дир сандружины, допустил замечательный «ляп». Он написал, что в нашей сандружине почти не было квалифицированных медиков, вот разве только студент-юрист Стас Маркелов, изучавший и занимавшийся «криминальной медициной». Это была великолепная оговорка! Разумеется, Стас изучал в вузе «медицинскую криминалистику». Ярослав же назвал его «криминальным медиком», что, в соответствии с уголовным кодексом, соответствовало ровно одной статье — незаконное совершение абортов! С тех пор, когда Стас чересчур уж выводил меня из себя своими шуточками, я находил-таки на него управу и начинал дразниться в ответ: «Криминальный медик, криминальный медик!»

Что на языке у пьяного

В январе 1998 года мы готовили антиатомный марш в Беларуси (против строителя АЭС). Стас был в числе организаторов. Более того: сама идея марша принадлежала ему (подразумевалось, что в ходе марша мы создадим белорусский клон «Хранителей Радуги», укрепим революционные связи между Беларусью и Россией и... дадим Стасу отличный дополнительный повод ездить в Минск к девушке Галинке, через пару лет ставшей его женой: вот вам и «личное есть политическое»). В начале нового года Стас несколько дней бурно отмечал праздники в компании «Хранителей Радуги» на одной квартире в Москве. Выпито было немало. Между тем было назначено собрание по антиатомному маршу дома у нашей хорошей знакомой, сочувствующей анархистам, Иры Ф. Мы с ней сидим, беседуем о перспективах революции — Стаса нет. Час, два, три. Вдруг резкий звонок в дверь. Дверь открывается. Пьяный-пьяный Стас Маркелов врывается в квартиру с истошным криком: «Суки — они Макса арестовали!»

И вот что выясняется, хоть и не сразу. После долгих возлияний Стас и один из вожаков «Хранителей Радуги» Макс К. пошли в метро. Стас честно собирался ехать к нам на встречу, хотя был сильно под мухой. Но злая судьба сулила иное. При входе в метро Макс К. узрел наряд милиции и почему-то анархическим инстинктом решил бежать от него. Однако выпитое вино и несколько сотрясений мозга, полученных в предыдущих экологических лагерях протеста, сыграли с ним свою злую шутку: Макс как-то сбился с курса и побежал прямо на

торжествующих ментов. Его схватили и поволокли в отделение. Стас героически врвался в отделение, показывая свое адвокатское удостоверение. Милиционеры выставляли его за дверь, не отдавая свою добычу. После этого Стасом овладели два страстных и упорных желания: помочь задержанному товарищу и все же доехать во что бы то ни стало до нашего экологического собрания. И то и другое в его нетрезвом состоянии совершить было почти невозможно. Он плохо помнит, где успел побывать, добираясь с «Курской» до «Проспекта Вернадского». Несколько часов он ездил по московскому метро и наконец добрался до нас — без паспорта, денег и адвокатского удостоверения. Их он утратил по дороге, но дошел!

Когда Ира загнала бушующего Стаса в ванную и он, встав под душ, горячо отфыркивался и матерился так, что Ира сочла необходимым отправить свою юную дочь в самую отдаленную от ванны часть квартиры, я подумал (возможно, это неверное рассуждение, но мне, как неисправимому трезвеннику, приходится здесь опираться только на логику и данные литературы): какой все-таки замечательный и надежный человек Стас Маркелов! Ведь, говорят, в пьяном состоянии душа человека обнажается. И в его сознании, омраченном алкоголем, жили два стремления, всецело завладевшие им: выполнить свой долг (во что бы то ни стало доехав до нас) и помочь попавшему в беду товарищу.

Быть, а не иметь

Жизненная энергия переполняла, распирала Стаса, бурлила в нем, выплескивалась наружу. Он был очень талантливым, неугомонным. Вынужденный, став адвокатом, надеть маску «цивила» и «серьезного делового человека», обрезать заветный хвостик волос, он с нами, друзьями — разряжался по полной, бесился как ребенок на анархо-ёлках. Однажды он доигрался: наш товарищ В.П., возясь со Стасом, невзначай повредил ему колено, и Стас неделю лежал в больнице; в другой раз на анархо-ёлке Стас поднял меня на руки, естественно, уронил и... сломал мной валик дивана у многострадального Димы Алейника, хозяина квартиры, отданной на разрушение празднующим ёлку анархистам. Выезжая с нашей компанией на ежегодные празднования Ивана Купалы, Стас непрестанно носился, как сумасшедший лось, по лесу, заготавливая — чуть ли не тоннами — дрова для костра, а его гогот был слышен на всю Владимирскую область. Возможно, лишь появление двух детей слегка «остепенило» его, да и то вряд ли. Вообще его особой манерой было непрестанно заботиться об окружающих, помогать им. (Вероятно, и адвокатская работа отчасти стала удовлетворением этого его инстинкта).

Когда была такая возможность и необходимость, он селил людей у себя дома, если им некуда было пойти. Летом 1997 года в Москве высадился многочисленный десант немецких автономистов, и они надолго засквотировали и обобществили его квартиру. Коммуникабельность, общительность, открытость, взаимовыручка были органически присущи Стасу. Он очень любил готовить и чуть ли не принудительно закармливал гостей на убой. Это была одна из его любимых игр, при том, что сам он ел немного, был тощим вегетарианцем, крайне неприязнительным в быту и даже по-спартански спал на полу. Особенно меня поражало его «сверхсоциалистическое» безразличие к собственности. Я тоже, в общем-то, не занимаюсь накопительством вещей. Но есть один пункт, по которому Эрих Фромм точно не одобрил бы

меня и констатировал бы во мне стремление «иметь, а не быть». Это, разумеется, книги. Их я собираю давно, превратив свой дом в огромную библиотеку. Так вот, когда Стас с Галинкой лет десять назад переезжали на другую квартиру (они долго кочевали по Москве, снимая жилье), они решили раздать Стасовы книги (в количестве около тысячи) в хорошие руки. В основном раздали их мне. Мои руки были сочтены хорошими. (Также мне был отдан интереснейший архив Стаса, и потом при встречах Стас всегда вручал мне еще по папочке — вдогонку).

Пацифист-«полпотовец»

Надо заметить, библиотека у Стаса была отменная и, как всякая долго собираемая библиотека, очень много говорила об интересах и склонностях своего хозяина. Сотни книг по истории и философии. Книги очень редкие, специальные, подобранные со вкусом. Особая, великолепная коллекция книг вековой давности по истории социал-демократии: Каутский, Лассаль, Бернштейн, Плеханов. Я даже на миг пожалел, что не являюсь социал-демократом и не могу вполне насладиться этим богатством. Видно было, как Стас глубоко, серьезно и основательно собирал эти книги по букинистам. И вот — в один миг взять и отдать все в чужие руки! Что это: благородная щедрость и доброта души, полное безразличие к обладанию чем-либо, мудрое и легкое отношение к жизни? Думаю, всего понемногу. «Умеющий ходить, не оставляет следов» (Лао Цзы). И еще. Очень редкая и ценная подборка книг по пацифистским движениям, антимиитаризму, миротворчеству.

Пацифизм был одним из главных убеждений Стаса (наряду и вместе с социализмом, экологизмом, антифашизмом, коммуитаризмом, вегетарианством). На словах Стас любил отрешиваться от любых «измов», но тем глубже и серьезнее относился к этим ценностям на деле. Все это было не «его» убеждениями, которые можно было при случае поменять или продать. Это было — им самим, его природой, его сутью. Не случайно Стас так часто и так охотно защищал в судах как адвокат отказников от воинской службы или жертв российской военщины на Кавказе. Но Стас не был бы Стасом, если бы и к этому «изму» он не отнесся бы антидогматически и иронично. В Прямухинской Вольной Артели 1996 года (и предыдущего и последующих годов) мы издавали ради забавы рукописную газету «Прямухинская Гармония». Любой член артели мог писать в нее статьи, стихи, фельетоны, рисовать картинки — в меру своей фантазии и талантов. Лишь один раз за несколько лет один человек был «официально» отстранен мной от возможности писать в газету. Этим человеком, этим еретиком и скоморохом, разумеется, был Стас, совершивший акт веселого хулиганства.

Пацифист, ненасильник и демократический социалист взял, да и исписал целый лист «Прямухинской Гармонии» всякими кровожадными призывами, самыми мягкими и «пацифистскими» из которых были: «Нового мира оплот дал нам товарищ Пол Пот!» или «Пусть светочи разума из интеллигентов светят нам с фонарей!» (цитирую по памяти). Такова была его неумная, озорная натура, совершенно не укладывающаяся в мое стандартное представление о социал-демократах: скучных, серьезных и бескрылых оппортунистах. Ну что мне оставалось делать? Пришлось запретить «провокатору» писать в нашу милую газету! (Кстати, о товарище Пол Поте Стас знал немало и даже как-то сделал на «Муравинских Четвергах» вполне серьезный и глубокий доклад о жуткой истории Кампучии). Но, если не считать подобных шуточных эксцессов (а как

их не считать?), Стас был абсолютным пацифистом. Да, он защищал революционных террористов (большевиков и анархистов) из Новой Революционной Альтернативы и Реввоенсовета (которые, впрочем, никого не убили и не ранили, а производили лишь символические и маломощные акты против наиболее одиозных учреждений и символов режима: памятников, военкоматов, приемной ФСБ), защищал радикальных антифашистов, далеких от пацифизма (Шкобаря). Но сам он, конечно, был бесконечно далек от насилия. И все же именно этот пацифист оказался на передовой в страшной войне между властью и обществом. Его не могли победить в честном и открытом бою и — подло застрелили в спину. О чем они с Настей говорили, о чем думали в те свои последние минуты, идя по Пречистенке? Никогда не узнаем.

Мой дом здесь. Иван

Стас был органическим, интуитивным антифашистом и антinationалистом. Полуполяк-полурусский по происхождению, космополит по духу, он очень любил Беларусь: часто ездил туда, выучил белорусский язык (хотя вообще к языкам был не очень склонен), восхищался и увлекал других поэзий Янки Купалы, прекрасно знал белорусскую историю, делал на наших кружковых собраниях — «Муравинских Четвергах» — лекцию о белорусском менталитете, отлично разбирался в общественной жизни в Минске. Но вот что показательно: если он на дух не переносил русского национализма, фашизма, и всегда загорался возмущением, когда с ним сталкивался, то точно также он относился и к национализму белорусскому (вообще, к любому национализму). Помню, меня впечатлил и позабавил его рассказ о том, как он однажды попал на демонстрацию белорусской национал-демократической оппозиции. Члены БНФ несли плакаты «Чемодан-Вокзал-Россия» и дружно скандировали что-то вроде: «Иван, пошел домой!» И вот Стас, этот космополит, из гущи враждебной колонны в одиночку начал громко и упрямо кричать с риском для здоровья: «Мой дом здесь! Иван». Один против всех.

Независимость

Воспоминания переполняют душу, теснят грудь, разрывают сердце. Вспоминаются его сердечность, буйная веселость, неугомонность, доброта, ум, быстрота импровизации, артистизм, стремительность реакции, смелость... Человек состоялся — если он незаменим в этом мире, если он делает то, что некому кроме него сделать. «Незаменимых людей у нас нет», — это сталинское изречение уж точно не про Стаса. Кто еще внесет свет и веселье в десятки компаний — таких разных? Кто еще заразит буйным задушевым хохотом и серьезно объяснит, что к чему? К кому еще активисту-общественнику обратиться в тяжелый час с твердой уверенностью — этот до конца свой, этот точно квалифицирован, самоотвержен, надежен, бескорыстен, едва ли не всемогущ против всемогущей репрессивной системы, этот поможет? Кто еще свяжет между собой столько сред и тусовок? Можно попытаться обмануть себя и других, в жалкой бравате говоря о «маркеловском призыве» в адвокатуру, о том, что «Стас Маркелов — имя России» (а Россия об этом знает? а Россия этого имени заслуживает?), о том, что мы «продолжим его дело» и т.д. Все это можно и нужно говорить, но... Ведь это неправда. В человеческом братстве-сестринстве, в общественном движении — дыра, рана, зияющая брешь. Он был собой, был единственным, был незаменимым.

Кто и за что?

Мы никогда не узнаем (по крайней мере, до Революции), кто конкретно и за что конкретно его убил. И все-таки все мы уже сейчас знаем это. Его убили за то, что он высывался, не боялся, не прятался, не реагировал на угрозы в парализованной страхом стране. Он был везде, где появлялись точки роста и зародыши общества, где возникали очаги сопротивления государству и капитализму. Кто его убил? Его убил тот, с кем он всю жизнь благородно и самозабвенно боролся, от кого защищал людей, кому оппонировал. Его убило Российское Государство — как бы в этом частном и конкретном случае оно ни называлось: бандой фашистов, чекистами или офицерами, обиженными за Державу, или мафией, нанявшей киллера. Для Государства человек всегда был ничем, а Держава и деньги всем, для Стаса — ровно наоборот. Человеческая жизнь ничего не стоит у нас. Это знак, это вызов. Кому? До востребования. Всем, кто еще не спрятался, не испугался, не забился в угол, не перестал быть человеком. И, конечно же, нелепо — просить государство: в лице милиции, прокуратуры и следствия расследовать это убийство. Государство ничем не обязано Стасу. И он ничем не обязан ему. Кроме этой пули в затылок.

Ангел-«хранитель»

Очень показательно, что защитники Химкинского леса думают, что Стаса убили за его участие в этом деле, что многие убеждены в том, что его убили за защиту интересов родителей Эльзы Кунгаевой против ее палача полковника Буданова, или за сходное дело «Кадета» (офицера Лапина, убийцу мирных чеченцев), третьи также убеждены в том, что причина убийства — защита Стасом антифашистов, четвертые — что он убит за свое участие в весенней 2008 года кампании анархистов против милицейского произвола... А была еще защита эколога Никитана от ФСБ, были дела НРА и Реввоенсовета, было участие в деле защиты рабочих ЦБК в Советске под Выборгом, был «перепоротый» ОМОНОм Благовещенск. И еще десятки, сотни дел больших и малых (антифашистских, антимилитаристских, антимилицейских, экологических). А еще: выступления на митингах, острые и резкие статьи, основанный Стасом «Институт Верховенства Права», боевой студенческий профсоюз середины 90-х «Студенческая Защита» (Стас был одним из его вожakov), организация анархических экологических лагерей протеста (Волгодонск-1997, Нижний Новгород-2008, антиатомный марш «Вяселка» в Беларуси в 1998 году), участие в Прямухинской Вольной Артели (1996 и 2001 годов) и в Прямухинских чтениях 2007 года, поездка на Социальный Форум в Мальме осенью 2008 года.

Стас был поистине ангелом-«хранителем» (если учесть его участие в движении «Хранители Радуги») для общественного движения, не политиком (ибо никогда не стремился к власти, не участвовал в играх в «выборы»), но идейно мотивированным человеком, общественным деятелем, адвокатом с более чем определенными убеждениями (и оттого — белой вороной в адвокатской среде), связующим звеном для множества инициатив и тусовок. Его убеждения были неотделимы от его человеческих качеств; его бытовая повседневность, общественная активность и адвокатская работа были единым целым. Он был очень цельной личностью, при всей своей многогранности. Да, работа адвоката была для него не службой, а служением — органичной частью деятельной, неравнодушной, яркой, артистич-

ной и отзывчивой личности, воплощением его убеждений, частью общественной деятельности — важнейшей, но далеко не единственной.

Не жертва

На вечере памяти Стаса и Насти на девять дней в Сахаровском центре одна из украинских анархисток «хранительниц радуги» славно и просто сказала: «Стас не был жертвой!» Нет, хотя его и Настю убили подло и внезапно, они не были жертвами, и уж тем более не были жертвами случайными. Это очень важно понять. Пацифист и органический противник всякого насилия Стас Маркелов погиб в бою, на войне. С одной стороны: бесчеловечная машина Государства, власть имущие, богатые, чиновники, ФСБ, олигархи, милиция, политики всех мастей, журналисты и адвокаты, обслуживающие Власть. С другой — обычные люди: разрозненные, запуганные, униженные, ограбленные, оболваненные, но пытающиеся кое-где и кое-как сопротивляться и объединяться, отстаивая свое человеческое достоинство. Ломаная и рваная Горизонталь Общества против обнаглевшей и монолитной Вертикали Власти. И роль Стаса в этой борьбе была выдающейся, важной, незаменимой. Он был редчайшим примером вымирающей породы адвокатов, служащих обществу и людям, а не олигархам (как все эти прикормленные и придворные Астаховы, Борщевские, Резники, Падвы... имя им легион), точно также, как Настя пыталась быть журналисткой, служащей людям, а не обслуживающей интересы сильных мира сего.

Стас был по своей сути «неформалом» перестроенного разлива — свободным, ироничным, живым, великодушным, веселым, самоотверженным, который долго и успешно маскировался под адвоката, пытавшегося соблюдать все правила нечестной и неравной игры. Его последняя речь, ставшая своего рода завещанием (потом с нее начинались митинги в его память), открывается словами: «Я устал...». Устал бороться за правду? Нет, конечно! Устал играть по правилам игры, которые нарушаются всеми другими игроками, устал играть в «законность» и в «правосудие» в стране тотального и циничного насилия. Мне кажется, этот пацифист и левый социал-демократ был близок к тому, чтобы перейти к отнюдь не эсдековским, и отнюдь не пацифистским правилам игры. Сама

жуть жизни толкала его к признанию прямого действия и нелегальных форм борьбы. Последние его статьи и выступления прямо говорят об этом. Смерть остановила его на самой грани. Гибель Стаса и Нас-ти заставляет меня задать себе и всем, но прежде всего все-таки себе вопрос: да, у нас есть идеалы, да мы готовы бороться и жить ради них; но готовы ли мы, готов ли я умереть ради них? Не знаю.

Братство

Публичное отречение от всего того, что делал Стас, что было ему дорого, чем он жил и «ради чего» погиб (если так можно сказать) со стороны его брата — политика Михаила Маркелова («не надо политических заявлений», «не надо пиара на крови», «не надо речей на похоронах» — схоронить, поскорее закопать тело и все!) — заставляет вспомнить христианскую истину о том, что есть «братство по крови» и есть «братство по духу». Разве попытка объяснить, кем был Стас и почему его убили — это «пиар на крови»? Хорошо сказал на одном из митингов Влад Тупикин: «Настоящая семья Стаса — это мы!» Мы живем в такое «чудесное» время, когда только о мертвых можно говорить все до конца, не боясь навредить им. (Помню, мы в конце 1990-ых напечатали в анархическом теоретическом журнале «Наперекор» статью Стаса Маркелова о политической ситуации в Беларуси, дав его подпись. Как он рвал и метал: это могло помешать его адвокатской работе).

Только смерть открывает значение человека. Обычно — нет времени и повода задуматься о близких. Как редко мы пишем о живых людях. В это жалкое время девальвации всех слов только Смерть и Жизнь — последняя еще надежная валюта. Если убили — значит всерьез мешал. Если погиб — значит искренне, без дураков, до конца боролся. Эта смерть всколыхнула — по-разному и ненадолго — многих. Сотни вышли на улицы в слепой ярости и отчаянии. Трусливые на миг ожили и заговорили в полный голос. Радостными криками огласились нацистские сайты. Большинство промолчало: «Ну, еще одного какого-то адвоката убили, не первого и не последнего, не жалко, с нас не убудет». Сервильные газеты и телеканалы, умело обходя острые углы, заявили о своей обеспокоенности и дежурно заголосили о нацистской угрозе.

Многие журналисты (не знавшие ранее Стаса) утирали искренние слезы, слушая рассказы о нем нас, близко знавших его, и говорили растерянно: «Мы не знали, что такие люди еще есть... бывают... были среди нас... Мы расскажем о нем». (И кто-то попытался, как мог). Эта смерть показала, обнажила многое — и мир, и общество, в котором мы обречены жить, и масштаб настоящего действия, и цену, которую за него приходится платить. Митинги, пикеты, речи, цветы и свечи на Пречистенке, публичные вечера памяти, необходимость что-то говорить и невозможность что-то сказать, шествия, несколько разбитых витрин на улицах Москвы, гневные интервью перед телекамерами, тихие поминальные разговоры на поминках по квартирам, горячее желание «что-то сделать» и тайное, обессиливающее понимание, что сделать уже ничего нельзя. Стыд, отчаяние, страх за себя и за близких друзей (кто следующий?), ярость и ненависть, боль, нежность...

Петр Рябов

ЧЕГО СТОИТ ДОМ ПОСТРОИТЬ

Как москвичи борются за свое жизненное пространство

Конфликты жителей и бизнесменов, вызванные строительством на месте парков, гаражей и детских площадок, последние несколько лет стабильно оказываются в лентах новостей всех сайтов, имеющих рубрику «Общество». Участвовавший в нескольких десятках подобных протестов Василий — студент-историк, не пожелавший представиться подробнее — рассказал «Автоному» о том, как это происходит.

— С чего для тебя началось участие в борьбе с точечной застройкой?

— По дороге, по которой я хожу от метро до дома, была красивая такая аллея. Сначала её огородили забором. Потом привезли строительную технику и бетонные плиты. Мне это совсем не понравилось. С другом я напечатал листовку и пошел раздавать к новоиспеченному забору. Там и познакомился с инициативной группой, борющейся за сохранение аллеи. В подъезде соседнего дома «инициативщики» каждый четверг проводили собрания, на которых обсуждали действия против стройки, а также помогли другим подобным группам района. Так постепенно я втянулся в протесты в других местах Москвы. Мы боролись не особо эффективно: писали кучу жалоб и исков, обращались к депутатам «Яблока» и КПРФ. Суды и чиновники отправляли нас подальше, а депутаты слали бессмысленные брошюры о своих партиях и реально почти ничем не помогли. Мы провели и три уличные акции: два митинга по две сотни местных жителей, а также на один день полностью заблокировали въезд на стройку, что перекрыло подвоз материалов и, соответственно, на день затормозило её работу. Но аллею в результате вырубил и дом возвели.

— Почему в вашем движении мало молодежи?

— Да, почти вся молодежь у нас — политические активисты. Наверное, это от общего пофигизма, неверия в то, что обычный человек может влиять на что-то вокруг. Хотя именно в последнее время неангажированных местных парней и девушек на акциях стало больше.

— А кто вообще в этих акциях участвует?

— Разные люди.... Начиная от мелких предпринимателей, хотя их и мало... Вообще мало людей, которых принято считать «респектабельными». В основном участвуют пожилые женщины, интеллигенция и молодые идеалисты.

— Сколько действует групп?

— Никто их специально не считал. В Москве около 600 строек, вызвавших протесты населения. Думаю, стабильных инициативных групп чуть меньше, но тоже несколько сотен. К сожалению, успехи движения — реальное сворачивание строительства — можно пересчитать по пальцам.

— Как происходит межгрупповая координация?

— Через Совет Инициативных Групп. Совет, правда, склонен доверять сомнительным политикам, и как мобилизационная структура он далеко не идеален. Отдельно от него возникают координационные сети на уровне районов и округов.

— Можно ли считать протесты против застройки самым активным социальным движением Москвы?

— Думаю, да. Оно самое массовое и заметное.

— Ещё летом 2007 года Лужков обещал, что точечное строительство будет прекращено, а объекты, вызвавшие протесты населения, будут свернуты.

— Фигня. В результате этого заявления появилась лишь межведомственная комиссия под руководством главного архитектора Москвы Кузнецова. Во-первых, в судьбе любой стройки она имеет только совещательный голос. Во-вторых, комиссия любой ценой стремится незаконным объект не признавать. В-третьих, даже там, где она требует прекратить работы, компании и местные власти нередко на неё плюют.

— Есть ли примеры серьезных протестов в Москве?

— Как пример могу привести Чертановскую, 43, где возводят элитный жилой комплекс. Осенью 2008 там сломали забор, перекрыли дорогу, 300 человек вышли на улицу. Но, кстати, даже там комиссия Кузнецова признала строительство законным.

— Это рядом с метро «Правая»? Не самый элитный район.

— Ну, в Северном Бутово тоже есть кварталчик для богатых — «Синяя птица». Даже в Капотне был какой-то конфликт, связанный с застройкой! Лужков же сказал, что «Москва должна стать городом для богатых». Так что жилье для богатых, средних и высших чинов силовых ведомств строят повсюду. Как и торгово-развлекательные комплексы. И обычно в ущерб интересам остальных москвичей.

— Как на движение реагируют политические партии?

— КПРФ и Яблоко всегда поддерживают, ЛДПР обычно игнорирует. Периодически появляются национал-патриоты. Среди активистов много большевиков и анархистов. До выборов в думу периодически поддерживала «Справедливая Россия», но потом она из движения пропала. Всегда против протестов — «Единая Россия». Её аргументы: «жители не останутся в проигрыше», «все нужно решать цивилизованно», «не надо

СОВЛАДЕЛЕЦ

Подземный спектакль нищеты

Москва. Утреннее метро. Озабоченные серые лица. Постоянно спящие люди с выражением утомленных животных, обречено едут на работу, уткнувшись в маленькие книжечки, чтобы не думать и не видеть друг друга. Периодически заходят нищие, каждый в своем роде артист. Вот закатили каталку с инвалидом. Он одет в военную форму. Катит каталку женщина, держащая картонную коробку, в которую кладут деньги. У нищего зазвонил мобильник, он прервался на минуту, достал недорогой телефон и сообщил, что уже на рабочем месте, и продолжил собирать деньги.

Эпизод никак не повлиял на подношения. Через несколько станций заходят «неместные», люди, которых обворовали на вокзале. Следующие собирают на операцию. Цыганка в монашеской одежде — на строительство храма. Заходит беременная женщина и молча держит пакет, в который кладут деньги. Молодые ребята, еще дети, с гармошкой играют что-то жалостливое, еще и поют пронзительно какую-то жуткую песню «про отца, который родную дочку убивал». Деревенские ребята в милицейской форме ловят других деревенских на предмет регистрации в Москве — стоимость индальгенции известна. Собирают свою мзду (дай Бог здоровья, тем кто придумал такие законы). Тяжело крестьянину в городе.

Вдруг заходит нищенка — молоденькая девушка, аккуратно одетая, видимо, у нее проблема с ногами. Она прихрамывает, ноги натываются друг на друга. Несмотря на свою профессию, ей хочется нравиться, и она смущена двойственностью своего положения. В руках неожиданно изящная сумочка из плотной бумаги, в которую кладут подаяния. Утомившись от попрошайничества, она присаживается и начинает рассматривать пассажиров с любопытством и завистью. На мгновение становится такой же, как все. Ее сумочка разворачивается, и на ней красивыми буквами написано «РАО ЕЭС», наверное, кто-то выбросил после презентации. Вот и девушке тоже повезло, ей достался кусочек «РАО», значит, она такая же как и все, едина со своим обобраным народом.

*Семён Линецкий,
2-й дан каратэ-до Сито-рю*

Московский метрополитен. Станция «Царицыно» 9.00 утро

дестабилизировать ситуацию». Короче, вместо уличных акций они предлагают обивать пороги.

— Нужно ли активистам баллотироваться в местные органы власти?

— Я считаю, нет. Местное самоуправление не имеет реальных полномочий, чтобы останавливать строительство. У активистов нет и ресурсов, чтобы выборы выигрывать. Да и все равно, даже если будет пара позитивных депутатов, что они сделают против коррумпированных судов и кучи других властных структур? Депутата можно подкупить, запугать, можно и устранить.

— А что же тогда нужно?

— Прямое действие. Есть пример Киева, где постоянная, конфронтационная активность местных жителей дает очень и очень хорошие результаты. В Москве она тоже есть, но её не так много. Осенью 2008, например, ломали заборы и на стройке на улице Вавилова, и масса жителей на время стройку оккупировала. Там же пробовали организовать и круглосуточное дежурство, чтобы не допустить возобновления работ. Пытались перекрыть дорогу, но приехал ОМОН и избил бабушек дубинками. На Щелковской, вот, тоже забор стройки разломали. В основном, к сожалению, прямое действие в Москве носит пока символический характер. Москвичей легко запугать.

— А каким оно должно быть?

— Реальным. Энергию, которую активисты тратят на писанину, можно было бы пустить на дежурства, недопущения установки заборов, блокадустроек, препятствующую подвозу материалов. Это все наносило бы компаниям реальный ущерб. И, особенно в условиях кризиса, делало бы стройки нерентабельными.

— Что тебе дало участие в движении?

— Много нового эмоционального опыта. Адреналина было много. Не хочу хвастаться, но и смелости, наверное, у меня прибавилось. Помню, забрали как-то меня в милицию, и угрожали много чем, водят тлеющим бычком в миллиметрах от глаз... Вообще, застройщики склонны к противоправным действиям. Или ментов подкупают, или гопников нанимают. Широкую огласку имел случай, когда на сход жителей на улице Маршала Бирюзова напали мрази с арматурой... В районе Зеленой горки (рядом с метро «Преображенская площадь») одного активиста подкараулили в подъезде и избивали бейсбольными битами.

— А какие ты видишь перспективы?

— Сложно прогнозировать. Движение развивается волнообразно.

Беседовал Валерий Листьев

АД, ВЛАСТЬ И БРАКОНЬЕРЫ

Алтайская охота с вертолетов стала одним из главных событий года

Одним из значимых событий дохлой политической жизни в этом году стал скандал с браконьерством на Алтае. Суть дела такова: приехал на Алтай представитель президента в Госдуме Косопкин, который с местными товарищами поехал, как барин, на охоту. Впрочем, нынче властьпридержащие предпочитают для передвижения вертолет. В итоге во время охоты вертолет потерпел катастрофу. И все бы сошло с рук, «потеря, скорбим», награда посмертно — да вот только в Интернете появились знаменитые фотографии с подробностями охоты. Дело в том, что чиновники стреляли редких животных — аргали (или по-другому архаров), которых всего-то в России 200 особей, и они занесены в Красную книгу. Да еще и с вертолета, что вообще запрещено всеми правилами.

Слив

Но до середины февраля не было никакой реакции на события, что вызвало еще большую волну возмущения — прежде всего в интернете. Власть пыталась все замять, уйдя в глухую оборону. Губернатор Алтай Бердников откровенно врал про разрешенную охоту, выживший вице-премьер правительства Алтай Банных чувствовал себя прекрасно — никакого уголовного дела по браконьерству не было, и он, как ни в чем не бывало, оставался на своем посту. С этого, пожалуй, все и началось — с требования Интернет-общественности отставки Банных. Особенно возмущал Банных самих алтайцев: зарвавшийся местный олигарх и до этого откровенно раздражал, а уж после такого скандала... Кстати, отметим такой факт — у Банных было много недоброжелателей и среди тех, кто имел

кое-какое влияние в республике. Они-то (предположительно, местный МЧС) и слили знаменитые фотографии в интернет.

Центром протестов стал форум «Алтайпресс», там стихийно сложилась группа активистов, прежде всего из числа местного населения. В итоге алтайцы решили 22 февраля устроить митинг в Горно-Алтайске. Так как мы в Москве с самого начала следили за ситуацией, то решили как-то им помочь — все-таки для провинции очень важно понимать, что с ними солидарны еще где-то в стране. А местные князьки очень боятся, что на них обратят внимание в Москве.

Событие

В итоге мы решили делать все легально, чтобы не подставлять алтайцев, которые (к сожалению) никаким особым активизмом не занимались. Подали

заявку на небольшой — буквально несколько человек — пикет солидарности с алтайцами. В итоге смогли привлечь внимание федеральных СМИ, которые написали о митинге в Горно-Алтайске. Например, «Эхо Москвы» крутило 22 февраля это как событие дня. Для городка в 50 тысяч митинг на 600 человек — действительно событие.

Мы к пикету почти не готовились, даже не успели ничего толком нарисовать, но все прошло хорошо, СМИ отписались, на Алтае о московской поддержке узнали, а в инете моралисты заспорили о том, как ужасно было писать на плакате: «Браконьер, твоя охота заканчивается в аду», ведь о мертвых или хорошо или ничего и т.п.

Информационный успех акции вдохновил на попытку проведения более масштабной, в Москве же, 7 марта. Число было неудачным, конечно, но другого выходного не было, а проводить такую акцию в будни не хотелось. К 7-му готовились серьезнее, с Алтая прилетел Акай Кыныев, один из местных организаторов акций протеста, колоритный такой алтаец, шаман. Мы провели удачную пресс-конференцию, Р. вообще расширил тему до запрета спортивной охоты как таковой.

Продолжение

В итоге митинг провели, был и «Гринпис», и «Фонд дикой природы», много других организаций. Не время было выяснять отношения, конечно, но оказалось, что у официальных экологов по некоторым направлениям чудовищные взгляды. Митинг опять вызвал резонанс, опять СМИ написали, по ТВ показали. На Алтае чиновники начали откровенно истерить, начали публиковать статьи про сепаратистов, разжигающих страсти по охоте, про московских экстремистов. Смешно, но ФСБшники начали ходить к шаманам, угрожать им. Забавно, лично мне припомнили далекое НБШное прошлое, пытались представить кампанию как якобы месть за арест Лимонова на Алтае...

Но власть все также продолжала упорно молчать, по крайней мере официально. Хотя с Алтая сообщали, что Бердинков ездил в Москву, вернулся мрачным и запил. Понимал, что дело плохо кончится, наверное.

Целью кампании были: отставка всех причастных к охоте и заведение уголовного дела по факту браконьерства. Тогда эти цели казались заоблачными, ведь с момента падения вертолета прошло полтора месяца полной тишины. Но власть неожиданно зашевели-

лась. Совершенно неожиданно в отставку был отправлен Банных, Бердинков на Алтае стал суетиться и очень злиться по поводу федеральной засветки акций, он-то был уверен, что уже мало кто вспоминает про такой косяк...

А потом все затихло. Казалось, что все так и закончится на середине пути. Но когда уже мало кто ждал продолжения — неожиданно прокуратура завела уголовное дело по браконьерству, что все-таки определенная победа. Пока неясно, чем оно закончится. Важно другое. Через несколько месяцев иркутский губернатор тоже разбился на вертолете. И сразу все СМИ, даже федеральные, моментально заговорили о схожести сюжета с алтайским. А по-алтайскому уже совершенно определенно применялось слово «незаконная охота» и «браконьерство».

Вообще, в СМИ тема «Алтайгейта» муссировалась весь год. Его вспоминают и сейчас при обсуждении нового законодательства об охоте — при этом практически всегда негативно. В массовом сознании укрепилось, что чиновники, кроме водки и бани с девочками имеют еще и другие слабости — не такие безобидные.

Сергей Смирнов

«Путь в десять тысяч ли начинается с первого шага», — полагали древние китайские анархисты — даосы. Еще один шаг на пути либертарного просвещения сделан московскими анархистами при содействии небольшого, но энергичного и предприимчивого издательства УППС. Им начат выпуск книг серии «Размышляя об анархизме» (до этого в издательстве выходила аналогичная «долгоиграющая» серия «Размышляя о марксизме», но ведь не только марксизм достоин размышлений, не правда ли?).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

О ПОЛЬЗЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Новая книжная серия "Размышляя об анархизме"

Имена

Книги этой серии (увы, малотиражной!) в книжном магазине узнаете сразу по стандартному оформлению. На обложке — буква «А» в круге, вокруг нее — пять узнаваемых портретов (Б. Дуррути, Н. Махно, П. Кропоткин, М. Бакунин, П. Прудон) и коллаж из соответствующих теме революционных фотографий. Оформление вдохновляет, ничего не скажешь! Но содержание радует еще больше. Какие имена, какие сочинения, большей частью век не переиздававшиеся в России! Уже вышли «Речи бунтовщика» Петра Кропоткина, «Эволюция, революция и идеалы анархизма» Элизе Реклю, «Будущее общество» Жана Грера, «Анархизм» Алексея Борового, «Анархисты в России в конце XX века» Дмитрия Бученкова и «Антифонт — творец древнейшей анархической системы» Соломона Лурье. На подходе «Вести ниоткуда» Уильяма Морриса, биография Макса Штирнера, написанная его почитателем и страстным пропагандистом Джоном Генри Маккаем, и новое (дополненное и переделанное) издание книги Вадима Дамье об анархо-синдикализме в XX веке. Книги отражают разные грани и аспекты истории и теории анархизма — древнего и не очень, российского и зарубежного, а их издание — удачный пример конструктивного взаимодействия и кооперации анархистов из различных

московских групп, объединивших свои усилия в этом благородном деле. Особая благодарность и почет — вдохновителю сего начинания и автору многих предисловий к книгам, анархисту-историку Дмитрию Рублёву.

Заглохнет серия на десятке книг или будет продолжаться — зависит от всех нас.

Книги открываются краткими, но весьма полезными предисловиями, написанными современными анархистами. Как видно из перечисленных названий, почти все они представляют собой переиздания анархической классики столетней давности или сочинения по истории анархизма. Можно высказать немало сожалений — и о том, что в серии пока не представлена современная анархическая мысль, мировая и российская (отчасти эту лакуну заполняет серия издательства «Гилея»), и о качестве содержания отдельных изданий и, особенно, об их небольших тиражах (по несколько сотен экземпляров). Но все эти недостатки не отменяют самого обнадеживающего факта — начала систематического, серийного издания и переиздания анархической литературы (увы, пока не в анархическом издательстве), способного отчасти выполнить задачи либертарного ликбеза и удовлетворить потребность современных анархистов в изучении собственной теории и истории.

Весна

Вспоминаю весну 1989 года. По всему СССР возникают анархические группы и кружки, объединившиеся вокруг легендарного журнала «Община» в Конфедерацию анархо-синдикалистов. Сотни людей вдруг начинают называть себя анархистами не зная об анархизме почти ничего. Огромная жажда знаний. Едва открылись спецхраны библиотек. И вот мы, пара-тройка московских анархистов, на скорую руку перепечатываем на машинке на папиросной бумаге в семи копиях отрывки из Бакунина, рефераты по Новомирскому, ксерокопируем с издания революционных лет Неттлау и Борового, торопливо компилируем (опять же машинописную) хрестоматию «Государственность и анархия» в десятке экземпляров и рассылаем эти сокровища в провинцию. Могли ли мы тогда надеяться на то, что не пройдет и двух десятилетий, и мы будем издавать (типографским способом и не в жалких отрывках) сотнями экземпляров целую серию книг «Размышляя об анархизме»?

Между прочим: приветствуются предложения всех заинтересованных лиц по продолжению серии. Если у вас есть подходящие идеи и книги (старые и новые, собственные или чужие) — обращайтесь в редакцию «Автонома» и в другие московские анархические издания («Либертарная мысль», «Черная звезда», «Прямое действие»). Ведь дорога в десять тысяч ли начинается с первого шага.

Петр Рябов

ИНТЕРНЕТ ПОКА НЕ РАСПРАВИЛСЯ С АНАРХО-ПРЕССОЙ

Обзор либертарных изданий СНГ за 2007–2009 годы

За два-три последних года ситуация с анархическими изданиями была достаточно стабильной: ни обвального падения, ни взрывного взлета не наблюдалось. Анархическое движение в СНГ понемногу растет и развивается, но все большую роль — хорошо это или плохо — играет интернет (и даже появившиеся в России в последние два года анархо-примитивисты вынуждены вести пропаганду против техники... с его помощью).

Пять и три

Вышло много непериодических брошюр, буклетов: зоозащитных, антифашистских, «Анархического черного креста», советов активисту и прочих. И, конечно, много одноразовых субкультурных «зинов», на которых я не могу останавливаться из-за их многочисленности и малотиражности. «Большая» же анархо-периодика, выходившая более-менее регулярно и тиражами свыше 200 экземпляров, в основном была связана с Москвой и с анархическими организациями — «Автономное действие», Межпрофессиональный союз трудящихся и Конфедерация революционных анархо-синдикалистов (с лета 2008 года два последних имени — уже не синонимы, за ними стоят две враждующие группы).

Совокупные разовые тиражи этих изданий составляют около пяти тысяч экземпляров для АД и двух тысяч для анархо-синдикалистов, а регулярность выхода отдельных журналов и газет колеблется от одного до пяти раз в год. Поэтому можно смело (хотя и очень приблизительно) утверждать, что у анархической прессы в СНГ есть две-три тысячи более-менее регулярных читателей. Среда небольшая, но постоянная, и насыщаемая разнообразными либертарными идеями.

Украина и Беларусь

В Украине РКАС имени Н.И. Махно возобновила выпуск газеты «Анархия», начавшей выходить уже 15 лет назад, многократно прерывавшейся, радикально меняющей

свой формат, объем и облик. Сейчас это многополосное пропагандистское издание с публицистическими, информационными и историческими текстами среднего качества, посвященными как истории и теории анархического движения, так и откликом на жгучие социальные темы.

Довольно много разнообразной и разнокалиберной анархической периодики традиционно выходит в Беларуси. Упомяну журнал минской группы «Автономного действия» «Свобода или Смерть» (несколько догматический, но интересный), полиграфически шикарно изданный журнал анархистского и хардкор-панк действия Rebel Desire (чей пока единственный номер вышел в Минске в 2008 году), очаровательный анархистский самиздатский журнальчик «Намерение» (тоже пока единственный номер — 2008 год), журнал Белорусской партии зеленых (захваченной анархистами) «Зеленый край»...

«Свобода или Смерть», по слухам, в 2008 году выбрала «смерть» и прекратила свое существование на седьмом номере. Интервью с музыкальными группами, рецензии на анархические издания, информационные заметки дополнялись в этом очень неплохом журнале перепечатками теоретических шедевров Михаила Магида (по моему убеждению, единственного серьезного анархического теоретика в СНГ),

размышлениями товарища Николы и других современных анархических публицистов. Среди них мне особенно запомнился обширный и страстный памфлет «Кто украл наше счастье?» в №6.

Rebel Desire привлекает внимание большим интервью с легендарным гродненским анархистом-ветераном и поэтом Стасом Почобутом и спорными, но интересными попытками саморефлексии анархизма, а также неизбежными и утомительными описаниями боев «Черного блока» с полицией на Западе. Все же полиграфический уровень этого журнала мне представляется несколько более высоким, чем содержательный. «Намерение» — журнал двух девушек-анархисток, наполовину занят огромным интервью с известным московским анархистом Владленом Тупикиным о его долгой анархической биографии.

Другие материалы «Намерения» приятно поразили меня нетипичным для анархических изданий уровнем человечности, личной искренности, самостоятельных попыток размышлять «от первого лица» (часто, увы, подменяемым у нас агитками и правильными революционными фразами). Наконец, журнал «Зеленый край», в основном, посвящен 15-летию Федерации анархистов Беларуси (по этой теме — ряд статей и интер-

вью). По-хорошему, завидуешь белорусским анархистам, у которых (может быть, из-за «кровоавого режима», а, может, по другим причинам) всегда огромное место в деятельности занимала и занимает «культурническая» составляющая: тут и легендарная «оранжевая» газета «Навинки», и фильм «Случай с пацаном», и анархический Свободный театр в Бресте... И разнообразный хороший анархосамиздат ярко иллюстрирует эту традицию.

Пальмира и воля

Теперь перейдем к России. В Питере дела на анархическом издательском фронте идут совсем плохо. Увы, прекратился выпуск старейшего «Нового света» (около 60 номеров и 20 лет — числа невероятные для революционной газеты). Мои глубокие соболезнования всем анархистам славного города на Неве. Но вынужденная эмиграция Петра Рауша, гонимого ФСБ, похоронила и Питерскую лигу анархистов и ее газету-долгожителя. Еще раз увы: перестал выходить и «Петроград» — газета питерской группы «Автономного действия». Ее выпуск был не очень долгим — всего пара лет — но довольно интенсивным (с десятков номеров). Неужели традиция питерской анархо-прессы прервется? Не хотелось бы в это верить. Но пока явным центром анархической периодики в России остается одна лишь Москва.

К счастью, преждевременной оказалась моя констатация (в про-

шлом обзоре анархо-прессы в «Автономе») кончины другого древнего издания — московской газеты «Воля». Оно начиналась еще в 1989 году как орган Московской организации КАС, с тех пор много раз надолго прекращала свой выпуск. Но в марте 2008 года после долгого перерыва Влад Тупикин издал новый, 26-ой номер предельно минималистский по оформлению (без картинок и почти без обложки), но довольно любопытный по содержанию: размышления о голодовке и терроре как методах борьбы, о проблемах мигрантов, о самиздате и феминизме, о новом нашумевшем фильме про Махно, о смерти Егора Летова... Надеюсь, и этот номер — не последний, и через годик-другой Влад сподвигнется на продолжение.

Рабочие и анархисты

Теперь — об изданиях московских анархо-синдикалистов. Продолжает более-менее регулярно, по два-три раза в год выходить газета «Черная звезда» (она после раскола осталась за МПСТ). Товарищи анархо-синдикалисты наконец вняли моему страстному призыву в одном из прошлых «Автономов» и убрали подзаголовок: «газета рабочих-анархистов». Но пока почему-то не последовали другому совету — заменить его на «газета анархистов для рабочих». По сути, такой она и остается. Последний, 18-ый номер (январь 2009 года), повествует о блестящих перспективах скорой социальной революции

на Украине (где, в отличие от России, не сформировалась «вертикаль власти», что, вкуче с социально-экономическим коллапсом, дает какой-то шанс анархистской альтернативе), о почти неизбежной перспективе череды локальных и мировых войн как возможного и вероятного пути выхода капитализма из кризиса, о борьбе против «точной застройки» и мусоросжигательных заводов в Подмоскowie, о декабрьском (2008 года) восстании в Греции и о революционных идеях в романах Диккенса.

Не знаю как рабочим, а мне импонирует социальная направленность «Черной звезды», ее постоянная обращенность к болевым точкам нашего общества на производстве и местах жительства людей. И в то же время отчуждение вызывает менторский, идеологизированный «штампованный» язык (когда всегда заранее можно предсказать все «правильные» выводы, формулы, рецепты в любом тексте на любую тему) и традиционное высокомерие авторов газеты по отношению к «неправильным анархистам», среди которых «завелась в последнее время мода бороться за права животных, участвовать в совместных действиях с либеральным буржуазным движением геев и лесбиянок и т.п.» (из статьи Михаила Магида в № 18).

Конечно, можно презрительно относиться к правам животных или к движению за права сексуальных меньшинств (наклеив на него фирменный ярлычок «буржуазное») — но все это весьма близко к партийному сектантству и весьма далеко от анархизма, как всеобъемлющего философского мировоззрения, вбирающего в себя все аспекты социальной критики и все аспекты освободительных импульсов, отрицающего любую сегрегацию, отчуждение и подавление в мире. Без экологизма и феминизма (как и без антифашизма, антииндустриализма и антимилитаризма) анархизм окажется всего лишь партийной политической доктриной, очередным скучным и отвратительным идеологическим уродцем... Несмотря на сказанное, в целом «Черная звезда», как и другие анархо-синдикалистские издания, представляется мне газетой интересной и нужной.

Прямое и либертарное

Также как и журналы ныне «конкурирующей» с МПСТ группы КРАС — «Прямое действие» и «Либертарная мысль», «Либертарная мысль», появившись в 2008 году, успела пока выйти в двух номерах, а «Прямое действие» с его почтенным возрастом продолжает выходить один-два раза в год. При этом «Либертарная мысль» более теоретична, эзотерична и обширна (являя собой пока не очень удачную, но похвальную попытку возродить традицию журнала «Наперекор», выходящего в 1996-2002 годах и бывшего примером толстого теоретического либертарного журнала), а «Прямое действие» занимает среднее место между газетой и журналом (в XIX веке подобное называлось «социально-революционным обозрением»). Несмотря на скучновато-клишированный язык, эти два издания также заслуживают похвалы, как и «Черная звезда».

В «Либертарной мысли» напечатаны обширнейшие критические комментарии К.С. Бессмертного к книге Александра Шубина «Социализм. “Золотой век” теории» (хотя я не во всем согласен с выводами К.С.Б., порой чересчур догматическими и защищающими «честь анархо-коммунистического мундира», однако сама попытка теоретических размышлений и откликов на фундаментальную и интересную книгу Шубина, создания традиции анархического диалога — а не монологов в пустыне — заслуживает похвалы), обширная статья автора этих строк об анархисте Варлааме Черкезове и его антимарксистской полемике, целый ряд текстов против патриотизма (правильных, даже чересчур правильных, пуритански правильных, в своем поистине бескомпромиссном осуждении всего, что хоть как-то намекает на этничность как таковую). В «Прямом действии» — больше международной хроники социальных выступлений, публицистики, текущей политической аналитики (в частности, о профсоюзах).

В общем, «Либертарная мысль», «Черная звезда» и «Прямое действие», невзирая на традиционно невысокое полиграфическое качество, некоторый догматизм в духе традиционного анархизма столетней давности и скучноватый язык, выполняют важную и нужную функцию — теоретической

работы и акцентирования социальной проблематики в революционной борьбе (что органично дополняет другие, субкультурные издания, в духе «анархизма после 68-го года»).

Ситуации и города

Больше всего изданий выпускает в СНГ «Автономное действие». В Москве продолжается выход нашего достославного журнала (к сожалению, намного реже выходящего, чем хотелось бы редакции!). Поскольку читатель его, собственно, уже держит в руках, предоставляю ему самому оценивать и осмысливать «Автоном». В 2007 году в Москве также вышел единственный номер журнала (выпущенного активистами АД и МПСТ) «Гражданская автономия», посвященного борьбе против точечной застройки. Проблема эта, конечно, осталась, борьба продолжается, но журнал заглох на первом номере (что случается с третьей всех анархических изданий).

В Нижнем Новгороде три-четыре раза в год продолжает выходить газета АД «Ситуация» (хроника борьбы, публицистика, интервью с анархистами) — вышли №17-26. Газета недавно отметила свое пятилетие. Ее информационная часть и регулярность выхода по-прежнему оперативно реагирует на события последних месяцев, что представляется мне ее сильной стороной — особенно после кончины старого доброго «Нового света», прежде всего славившегося теми же достоинствами, а теоретическая и литературная сторона — скорее, «ахиллесова пята» «Ситу-

ации». С 2008 года также выходят бесплатные укороченные выпуски «Ситуации» (light version) на одном листке — с парой статей и несколькими заметками, используемые как пропагандистские «листовки», способные дать случайному читателю какое-то первичное представление об «Автономном действии», его позиции и деятельности.

Помимо «Ситуации» и «Автонома» свои издания выпускали (выпускают) ряд региональных групп «Автономного действия». О минском журнале «Свобода или смерть» и питерском «Петроградце» я уже упомянул. Выходят издания АД и на Дальнем Востоке (газета «Удар»), и в Уфе. Их я еще не видел и ничего сказать о них не могу. Также в Иркутске издается газета «Автономного действия» «Вольная Сибирь» (в 2006-2008 годах вышли №2-7). Газета неплохая: статьи на местные темы, исторические экскурсы, хроника движения, экология, антифашизм, стихи.

Более детальный, подробный обзор каждого издания занял бы огромное место. Поэтому я традиционно извиняюсь перед всеми, «кого не посчитали» (или кому не понравились мои недостаточно восторженные высказывания о его детище). Я убежден, что необходимы как межанархическая солидарность и диалог, так и конструктивная критика. Желающим ознакомиться с анархической прессой подробнее рекомендую обратиться к изданиям, чьи адреса с удовольствием прилагаю.

Петр Рябов

АНАРХИЯ — rkas@inbox.ru;

ВОЛЬНАЯ СИБИРЬ — a.volokos@gmail.com;

ВОЛЯ — 117208 Москва, м-208, до востребования Тупикину В.А., volia@nm.ru;

ЛИБЕРТАРНАЯ МЫСЛЬ и ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ — comanar30@gmail.com; Anarchosyndicalism1936@gmail.com, kras.fatal.ru;

НАМЕРЕНИЕ — tanuysha@riseup.net; Rebel Desire — 220123, Беларусь, Минск, а/я 33, rusel13@gmail.com;

СВОБОДА или СМЕРТЬ — belarus.avtonom.org;

СИТУАЦИЯ — 603104, Н.Новгород, а/я 25, situazion@avtonom.org;

ЧЕРНАЯ ЗВЕЗДА — 117485, Москва, а/я 34, buhr1@yandex.ru; mpst.anho.org;

ИСТОРИЯ

НЕЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАМЕТКИ

Конфедерация анархо-синдикалистов:
двадцать лет спустя

*Двадцать лет назад, 1-2 мая 1989 года в Москве, в глубоком подполье состоялась Первый съезд КАС (Конфедерации анархо-синдикалистов) — организации, из которой выросло все современное анархическое движение на просторах СССР-СНГ, со всеми своими достижениями и невыводимыми «родимыми пятнами».**

Мифы и легенды

Двадцать лет — срок немалый. Иных уж нет, а те далече. Для большинства современных анархистов КАС — почти такая же легенда, как какие-нибудь карбонарии или парижские коммунары. Естественно, вокруг этой организации возникли и расцвели буйным цветом разнообразные теоретические мифы и мифологические теории.

Конспирологическая легенда (развитая некогда на страницах безумного недоброй памяти журнала «Трава и воля» ныне сидящим в украинском застенке революционером-террористом и анархо-большевиком, а ранее — в 1989-1991 годах — лидером нижегородской организации КАС Ильей Романовым) гласит, что Конфедерацию анархо-синдикалистов создали агенты КГБ Андрей Исаев и Саша Шубин, чтобы подчинить всемогущему государству потенциальное многотысячное анархическое движение, будто бы неуклонно набиравшее силу в стране. Чувствовавший свою агонию совковый режим сыграл на опережение и преуспел, получив в свое распоряжение выводок ручных анархистов, отмывших идею анархизма от клеветы... до полной неузнаваемости — гласит конспирологическая версия.

Апологетическая версия (столь же правдивая, как и первая), развиваемая в книгах Александра Шубина (одного из «отцов-основателей» КАС) гласит, что КАС была могучей и многочисленной организацией, фактически возглавившей революционную перестройку снизу: впервые выведшей массы на улицы (28 мая 1988 года), высоко поднявшей знамя самиздата (журнал «Община»), впервые сказавшей людям всю правду о большевизме вообще и о Новочеркасском расстреле 2 июня 1962 года в частности, широко распространившей в позднесоветском обществе идеалы неонародничества и постиндустриализма и предотвратившей срыв СССР в сторону насильственного и кровавого коллапса, но... загубленной в конце концов «анархо-шпаной», всякими «контркультурщиками» и панками, заполнившими и разложившими это столь прекрасное начинание.

Но оставляю в покое мифы и, положившись на собственную память, попытаюсь вспомнить — как оно все было «на самом деле» тогда, двадцать лет назад, когда студент Андрей Исаев еще и не думал важно восседать в Думе во главе

важного комитета, когда студент Саша Шубин еще не был доктором наук, мэтром и автором двух десятков монографий, когда ветеран рабочего движения и участник новочеркасского восстания Петр Петрович Сиуда еще не был убит (май 1990), а иркутский анархистский батька Игорь Подшивалов еще не знал о роковой машине, прервавшей его жизнь (август 2006), когда Петр Рауш еще не бежал из Питера за границу, спасаясь от чекистов (2008), когда лидер волгодонской группы КАС Голубенко еще не был заживо сожжен неизвестными в своей сторожке (1990), когда, наконец, сам я был третьекурсником, открывшим для себя Бакунина и осознавшим, что анархия — это не хаос, а гармоничное общество свободных личностей, романтическим «юношей бледным со взором горящим» и, по метким словам Исаева, «восходящей звездой анархизма». Вот всё с тех пор и восхожу.

В начале было слово: КАС

Еще в январе 1989 года на конференции ряда групп, входящих в ФСОК (Федерацию социалистических общественных клубов — разношерстную сеть мелких и больших групп социалистической направленности по всему Советскому Союзу) и тяготевших к московскому историко-политическому клубу «Община» (и одноименному журналу), встал вопрос об очередном самоназвании для формирующегося межгородского объединения, мучительно ищущего свою идентичность. Несколько перепробованных с августа по декабрь 1988 года названий: АСФ (Альянс социалистов-федералистов), потом СНС (Союз независимых социалистов) — были дружно признаны неудачными. Это было время наречения имен, поиска единомышленников, самоопределения, время поистине мифологическое (ведь мифологическое время это и есть время Сотворения-Именования всего сущего). Как говорится в мультфильме про капитана Врунгеля: «Как вы яхту назовете, так она и поплывет». Тем более в ту бурную незабвенную эпоху всяческих начал и начинаний.

Мы определяли себя в те решающие месяцы просто, по бакунинской фразе, начертанной нами еще на транспаранте на первой несанкционированной демонстрации в

Для большинства современных анархистов КАС — почти такая же легенда, как какие-нибудь карбонарии или парижские коммунары.

* Желаящим поподробнее узнать об истории КАС рекомендую обратиться к книгам Александра Шубина «Преданная демократия. СССР и неформалы 1986-1989» (Москва, 2006); и Дмитрия Бученкова «Анархисты в России в конце XX века» (Москва, 2009), а также к моей статье «Конфедерация анархо-синдикалистов. Из истории новейшего анархического движения в СССР и России» в газете Автономного действия «Ситуация» (№3, Февраль 2004. С. 6) — П. Рябов.

Москве под черным флагом 28 мая 1988 года: «Свобода без социализма — это привилегия и несправедливость. Социализм без свободы — это рабство и скотство». Эти слова звучали уже и в «Декларации Общины» лета 1987 года. «Мы» — это те, кто не хочет «как на Западе» (то есть капитализма) и не хочет «совка» (то есть тоталитаризма). Но как это назвать? Слово «анархизм» будоражило, притягивало, но казалось чрезмерным — пугающим, обязывающим, многих отталкивающим, крайним.

Тут-то и всплыло это словосочетание: «Конфедерация анархо-синдикалистов» — одновременно «страшное» и импонирующее красотой и конструктивностью, сопричастностью традиции. Про то, что члены «Общины» тяготеют к анархизму, говорила вся неформальная Москва, но сами «общинники» (кроме пяти-шести человек: меня и юных школьников из группы «Альянс», являвшейся ассоциированным членом «Общины») стыдливо скрывали этот секрет Полишинеля. Ведь одно дело «изучать анархизм», «симпатизировать» каким-то его идеям (в мае 1988 года родилась и умерла затея создать ВОЛАНД (Всесоюзное общество любителей анархизма в неформальном движении), и совсем другое — признать прилюдно: «Да, я анархист!». Да и многие из двадцати-тридцати членов этого клуба (одного из самых влиятельных и многочисленных среди неформалов) вовсе не считали себя анархистами, а были просто социально активными людьми (либералами, державниками) — это было время еще не высокой степени дифференциации среди горсти активистов-неформалов. Потом они не вошли в КАС, не приняли новой идентичности: «Община» устраивала их, а КАС — нет.

Все решилось на январской конференции. Решающим, как обычно, был голос Андрея Исаева — нашего харизматичного и пассионарного лидера, блестящего эрудитом, остроумием и напором, непрерывно рассыпающего новые смелые идеи (правда, мы тогда также стыдливо публично отрицали его несомненное и непререкаемое лидерство, как и свой несомненный анархизм). В краткой, но энергичной речи он предложил назваться Конфедерацией анархо-синдикалистов, во-первых, потому что мы и есть анархисты, а кто же ещё? (чего греха таить!), во-вторых, эпитет «синдикалисты» придает нам больше весомости и конструктивности в глазах общества (если «анархиста» отождествят с бандитом, то словосочетание «анархо-синдикализм» вызовет смутные воспоминания о независимых революционных рабочих союзах), в-третьих (мы же почти все тут историки), потому что ведь уже была такая организация в 1920-ые годы в российской эмиграции. Неявно звучало и четвертое, — важное, но скромно умалчиваемое. В это время мы тесно связались с SAC — шведской анархо-синдикалистской организацией (позднее шведы сделают нам красивые «беспартийные» значки, подбросят кое-какую оргтехнику) — и это был прорыв на международный уровень, ожидание того, что «заграница нам поможет». Таким образом, название КАС достигало сразу нескольких целей: обретение четкой идентичности и заявка о своей позиции, нахождение себя внутри традиции: во времени (как продолжателей российской КАС семидесятилетней давности) и в пространстве (как части мирового анархо-синдикалистского движения).

Нельзя сказать, чтобы предложение Исаева свалилось как гром среди ясного неба — мы шли к нему два года. Но нельзя сказать и того, чтобы это предложение прошло без обсуждения и возражений. Исаев был лидером, но отнюдь не фюрером. Немногие — школьники-«альянсисты», ученики Исаева, или я (прямо и безоговорочно называвший себя анархистом к этому времени) — радовались и поддерживали. Активно высказался «за» и горячий Алексей Ковалёв — лидер дружественной питерской эко-

логической группы «Спасение», боровшейся в 1987 году против сноса гостиницы «Англетер» (позднее он ушел в большую политику и, кажется, стал депутатом Петросовета, каковым является чуть ли не по сей день).

А вот Саша Шубин, всегда занимавший в «общинных» раскладах особую позицию и гордившийся своим принципиальным «оппортунизмом», всегда уравновешивавшим исаевский пылкий радикализм (прошедшие десятилетия не изменили его: из «оппортуниста среди анархистов» он стал лишь «анархистом среди оппортунистов», придя к прудонистским идеалам), мягко, но настойчиво высказался против названия «КАС». Он произнес длинную, и, как всегда, убедительно-рассудительную речь, из которой я теперь припоминаю лишь два тезиса. «Я анархист и синдикалист, но не анархо-синдикалист», — говорил он. А, кроме того, нас будут называть и дразнить «кастратами», — пророчествовал Шубин. (Впрочем, эти мрачные опасения не оправдались. Даже самая враждебная нам группа анархо-панков «червяковцев» (по имени бывшего милиционера, тогда анархиста, а ныне фашиста Александра Червякова) — Московский союз анархистов — ревниво именовала нас на страницах своих газет почему-то всего лишь «комсомольскими анархо-сексуалистами (КАС)»).

Тем не менее смелое мнение Исаева, как обычно, перевесило разумные доводы Шубина — и с января 1989 года московский клуб «Община» и дюжина клубов, тяготевших к нему в провинции, стали именовать себя «Конфедерацией анархо-синдикалистов».

Навстречу съезду

Мы были безумно активны и предприимчивы (ибо ясно ощущали судьбоносность тех месяцев и всерьез опасались, что скоро нас всех пересажают — хотелось успеть побольше всего сделать). Наш журнал «Община» от осени 1987 к весне 1989 года невероятно вырос: по тиражу с десятков машинописных копий на папиросной бумаге до тысяч типографских экземпляров, по частоте выхода — с выхода раз в месяц до выхода раз в три недели («официально» считалось даже, что он выходит каждые две недели). Остроумный, сопровождаемый чудесными карикатурами художника Николая Соболева, сочетающий яркие теоретические и исторические тексты Исаева, Шубина и других талантливых авторов с «Хроникой общественного движения» по всей стране, оперативный — он быстро приобрел множество сторонников по всему Советскому Союзу и — прямо по Ленину — стал коллективным организатором,

Андрей Исаев

агитатором и пропагандистом либертарного дискурса. Все наши товарищи его читали, распространяли, писали в него — если не теоретические статьи, то хоть репортажи. Во многих городах и всяких неформальные группки, клубы и кружки переходили под черно-красные знамена «Общины», объявляя себя «анархо-синдикалистами». А в Иркутске и Питере анархисты самозародились независимо от Москвы и радостно устремились в КАС.

В Москве мы в это время создали зародыш студенческого синдикалистского профсоюза — Оргкомитет Союза учащейся молодёжи (ОК СУМ), более всего прославившийся тем, что поставил на уши колыбель российского анархизма МГПИ имени В.И. Ленина (московский пединститут) — устроив в феврале 1989 года забастовку против военной кафедры. Студентов и студенток заставляли уйму времени изучать милитаристские предметы и сдавать по ним экзамены — при том, что студентов тогда брали в армию. Забастовка длилась почти три недели, в ней участвовали полторы тысячи студентов на десятке факультетов — и она завершилась победой.

В полуподполье (полуподпольностью вообще характеризовалась наша деятельность в то странное время, когда было неясно, что еще «нельзя», а что — уже и еще можно делать и говорить) работал лекторий «Общины» (еженедельно читались исторические лекции, собиравшие десятки слушателей), проводились дискуссии, шла работа среди школьников и экологических инициатив. Похожее происходило во многих городах.

Приближался первый съезд Народных депутатов СССР, ставший крупнейшим телешоу для всей страны. Национальные республики вскипали народными фронтами, выводящими десятки тысяч людей на улицы. Зона гласности расширялась явочным порядком. Члены возникнувшей год назад оппозиционной партии «Демократический Союз» выходили на несанкционированные демонстрации — под дубинки ОМОНа. Митинг ДС 23 апреля 1989 года на Пушкинской площади против злодеяний советских спецназовцев в Тбилиси 9 апреля (когда при разгоне митинга саперными

лопатами были зарублены несколько девушек) перерос в шествие сотен человек по бульварам на Арбат — к грузинскому посольству. ОМОН и милиция уже не могли нас остановить. Я участвовал во всех митингах ДС, за что подвергался критике со стороны старших, более умеренных товарищей по КАС, как опасный экстремист и «моральный дээсовец».

И в самом деле, я хотел соединить бескомпромиссную тактику ДС с анархическими идеями КАС. Меня за это ругали и запрещали надевать касовский значок на митинги ДС, а мои хвalebные отчеты об этих митингах в «Общину» переделывались редакцией в противоположном смысле. Официальная позиция КАС в отношении Демократического Союза сводилась к тому, что это буржуазная и экстремистская организация, и, хотя ОМОН зря их так избивает, но они сами виноваты: надо устраивать лишь разрешенные акции). Нам казалось, что мы творим историю своими руками. Возможно, отчасти так и было. Атмосфера была перенасыщена идеями, откровениями, наэлектризована ожиданиями и иллюзиями. Все казалось возможным: и безвластное социалистическое общество, и кровавый переворот с возвратом к сталинизму, и народное восстание.

Оставалось собрать съезд и оформить появление новой всесоюзной организации. Лихорадочно писались проекты документов (Исаевым, Шубиным, еще двумя-тремя людьми). Годами вынашиваемые в подполье, обсуждаемые в долгих спорах заветные идеи чеканно ложились на бумагу. Первый учредительный съезд КАС состоялся в Москве 1-2 мая 1989 года.

Съезд

Собирались конспиративно. Почти никто не знал, где съезд будет проходить. От станции метро «Маяковская» долго шли какими-то переулками. Двигались небольшими группами — чтобы не привлекать лишнего внимания. В одном из переулков (кажется, в Малом Козихинском), в каком-то то ли ДЭЗе, то ли «красном уголке» съезд и открылся.

Компания собралась разношерстная, человек соток. Выделялись московские вожак — Андрей Исаев

и Александр Шубин — не по годам стратеги, ораторы, теоретики, мастера дипломатии и импровизации, в меру пафосные и в меру прагматичные. В черной рубашке поверх тельняшки, в очках и с нарядной бородой колоритно гляделся Игорь Подшивалов — анархист из Иркутска, «первая ласточка» советского анарходвижения, человек суровый и солидный. Питерскую делегацию, человек в пять, возглавлял не менее колоритный «бабка» Петр Рауш, также явно стилизовавший свой наряд под стереотипный образ анархиста — в папахе.

Запорожские анархисты (Дмитрий Дундич и другие — все под тридцать лет, казавшиеся мне, девятнадцатилетнему, зрелыми мужчинами) выделялись казацкой лихостью, неисчерпаемой и безмятежной иронией, выправкой, роскошными усами и чубами (с ними мы близко познакомились во время одного из обеденных перерывов во время съезда). Через полгода они, невзирая на страшный прессинг со стороны партийных органов и спецслужб, проведут у себя в Запорожье огромную подпольную конференцию КАС, посвященную столетию Махно, а еще через несколько лет создадут анархическое издательство «Дикое поле» (до сих пор — единственный случай в СССР-СНГ!), в котором издадут книги о махновщине Голованова и Аршинова. Ах, как тогда — на съезде, в радостном ощущении исторического значения происходящего — мы быстро сходимись с людьми, счастливы обрести товарищей по жизни и борьбе!

Самого старого и заслуженного участника создававшейся Конфедерации на съезде не было. Петр Петрович Сиуда из Новочеркасска, ветеран рабочего движения, один из лидеров рабочего восстания 2 июня 1962 года в Новочеркасске (и летописец этого события, много лет отсидевший в зоне, а в 1990 году погибший, вероятно, от рук КГБ), накануне участвовал в «Празднике свободной печати» на Арбате (где распространялся разнообразный самиздат), был задержан милицией, сидел «на сутках» и потому не смог присутствовать.

В разгар съезда встал какой-то мужик, выделявшийся диким одеянием и почтенным возрастом (на фоне двадцати-тридцатилетней молодежи, преобладавшей на съезде). Мужик заговорил. Он оказался Николаем Озимовым из Черкасс и объявил себя «бакунистом с 1960-ых годов». «Ох!», — почтительно вздохнул зал, уважительно-благоговейно глядя на ветерана анархо-движения и своего аксакала. Однако Озимов продолжал (лучше бы он этого не делал, оставив всех нас в счастливом неведении относительно конкретики): «Я прочитал тогда у Бакунина, что стихийный анархист — это разбойник, и анархистам надо слиться с лихим разбойным миром. Вот я и создал бандгруппу, занялся разбоями и... сел». Зал снова охнул, но уже опасливо: «подведет уже нас под монастырь этот уголовник!» (Озимов впоследствии стал колдуном и наводил порчу на украинских бюрократов, сильно расширив арсенал средств анархического сопротивления).

Еще один колоритный и немолодой анархист (позднее — троцкист) и длинноволосый авантюрист из Днепропетровска Владислав Стрелковский поразил всех нас афоризмом о том, что: «для анархистов только две вещи святы — секс и экс (в смысле экспроприация — П.Р.)».

Флюиды романтики, бравады, надежд, прагматического цинизма, витая над Первым съездом Конфедерации анархо-синдикалистов, причудливо перемешивались с флюидами авантюры и революционной фразы.

Если из этих беглых и отрывочных заметок читатели решили, что на I съезде КАС преобладали безумцы, проходимцы, пижоны и уголовники, то это все же будет неверное впечатление. Хотя пестроты, горячки, неразберихи, хаоса (противоположного, как известно, анар-

Петр Рябов

хии) хватало. Ведь все свершалось в первый раз, шутка ли сказать, за семьдесят лет! Хотя юные и не очень анархисты из разных городов СССР жаждали объединиться и поднять как можно выше знамя анархии (пока одно на всех), сразу же обнаружились идейные разногласия — зародыши будущих расколов. Едва кое-как приняли часть программных документов (написанных, в основном, Андреем Исаевым и Сашей Шубиным), организационный договор КАС и пару-тройку резолюций, как питерцы во главе с неукротимым Раушем тяготевшие к тому, что называется либертарианством или анархокапитализмом в духе Б. Таккера, категорически высказались против любых слов о «социализме» в нашей программе и красного цвета в нашем черно-красном флаге. Насилу их убедили смириться с мнением большинства. Как оказалось, ненадолго.

На съезде присутствовали представители шведской организации SAC. Милая, одухотворенная женщина (кажется, по имени Аника), возглавлявшая международный отдел шведского анархо-синдикалистского профсоюза, обратилась к нам с вдохновенной напутственно-приветственной речью. И мы вмиг ощутили себя частью мировой и вековой анархической традиции, а не просто сборищем чудаков и фантазёров.

Среди неопределённости, надежд, страхов, иллюзий споров, амбиций, конспиративных тревог, взаимных наскоков, радостных знакомств, революционных ожиданий, оппортунистических уступок, межфракционных торгов, боязливых оглядок на советское начальство и отважных дерзаний — родилась Конфедерация анархо-синдикалистов. Жизнь ее была недолгой, но яркой. (В то время месяц шел за год). Возникнув в мае 1989 года, к началу 1992 года КАС начала рассыпаться (а до этого, в 1990 году, от нее откололась добрая треть групп, образовав АДА, Ассоциацию движений анархистов. На развалинах КАС из ее осколков родились новые организации и движения — КРАС (в России), РКАС (в Украине), ФАБ (в Беларуси), СКТ (в Сибири), «Хранители радуги» (в России). Началась история новейшего российского анархизма.

Петр Рябов

НА ПЕРСТКИ ИСТОРИИ

Интервью о целях "антифальсификационной" президентской комиссии

Создание президентской комиссии, призванной бороться с «фальсификациями» истории, вызвала заметную негативную реакцию среди историков в частности и научного сообщества вообще. Историк Валерий Столов, директор частной школы «Менахем» (СПб), автор большой (около сотни страниц) статьи «СССР во Второй мировой войне» для энциклопедии издательства «Аванта +», рассказал «Автомому» о том, как история Второй мировой войны используется в спекуляциях политиков-государственников.

— **Каких «фальсификаций» опасается Медведев?**

— Медведев, на мой взгляд, в первую очередь стремится сохранить политический ресурс, заключающийся в факте победы СССР (России) во Второй мировой войне (далее — ВМВ). В меняющемся мире, который уже не построен по лекалам Ялтинской системы, «фальсификациями» объявляются попытки ревизии (а по сути — смены мейнстрима) истории возникновения этой системы.

— **Что дает Медведеву этот политический ресурс?**

— А что даёт государству Израиль историческая концепция Холокоста? А зачем в Польше и Украине создаются институты национальной памяти, в Прибалтике создаются музеи оккупации, а США ежегодно с большим размахом отмечают день начала операции «Оверлорд»? То есть я хочу сказать, что усилия по извлечению политических дивидендов из истории ВМВ предпринимаются по всему миру. Создание президентской комиссии — шаг в рамках этой тенденции.

— **Какие «фальсификации истории» преследуются законами в других странах мира? (Например, в ряде стран Западной Европы можно сесть за отрицание Холокоста).**

— Ну, скажем, в Украине недавно приняли закон, карающий за отрицание Голодомора. Есть турецкий закон, точно так же карающий, но уже не за отрицание, а за признание геноцида армян. И так далее.

— **Есть ли сейчас государственная политика в области истории? Если да, то какая? Как это отражается на работе историков?**

— Государственная политика в области истории, безусловно, существует. Она заключается в стремлении привить гражданам позитивные чувства в связи с их национальной принадлежностью; пресечь критику в адрес проводимой государством политики в прошлом. На работе, например, школьных учителей это отражается в том, что от них требуют, чтобы учащиеся воспроизводили «правильную» с идеологической точки зрения версию исторических событий. Ограничивается право учителей самостоятельно выбирать программу обучения, учебные пособия и т.д.

— **Вторая мировая война — основная болезненная тема для тех, кто боится «фальсификаций»?**

— Да, разумеется.

— **Какие события прошлого воспринимаются государством сейчас как наиболее болезненные?**

— Революция 1917 года и ВОВ, на мой взгляд. Хотя, разумеется, не исключено, что в перечень «фальсифицируемых» попадут и другие исторические события.

— **Каков нынешний официальный взгляд на революцию 1917 года?**

— Ясно выраженного официального взгляда не существует. Однако по разного рода косвенным намёкам можно сделать вывод, что любая революция с позиций современной российской государственной идеологии подлежит осуждению, как покушение на государственный порядок.

— **Из каких программ школьный учитель может выбирать?**

— Сегодня уже — не из каких. После развала СССР единая программа по истории канула в Лету, и у учителя появилась возможность выбирать из ряда имеющихся. И даже написать свою собственную — при условии, что она будет соответствующим образом утверждена. Сегодня эта возможность выбора фактически сведена к нулю. А главное — вводимый повсеместно ЕГЭ заставляет вести обучение по унифицированной программе. Основные принципы, положенные в её основу: утверждение примата государственных ценностей над ценностями личности, позитивный взгляд на прошлое, преклонение перед государственным величием.

— **Почему такое внимание привлекает именно ВМВ?**

— Именно победа в ВМВ превратила СССР (правопреемником которого является Россия) в супердержаву. С другой стороны, во вновь образованных государствах (Украина, Прибалтика) приняты концепции, согласно которым в ходе ВМВ они были оккупированы СССР. Таким образом, для России возникает необходимость вновь доказывать свою «освободительную миссию» в ходе ВМВ.

— **Насколько я понимаю, в разных странах существуют разные взгляды на причины, приведшие к ВМВ, на роль каждой страны в ней, на то, кто в ВМВ был «хорошим», а кто «плохим»?**

— Разумеется, общий настрой в разных странах един: Германия и её союзники были «плохими парнями», а их противники — «хорошими». (Может быть, за исключением Японии, которая признаёт свою вину крайне неохотно, сквозь зубы). Однако (и это тоже совершенно естественно) в каждой из стран пытаются представить свою индивидуальную роль в наиболее выигрышном свете. Для этого либо подчёркивается важность усилий, приложенных данной страной для достижения побе-

ды, либо делается упор на роль жертвы. Высказывается желание приравнять преступления сталинизма к преступлениям нацизма, чего уже несколько лет добиваются некоторые страны Восточной Европы. Понятно, что в этой ситуации Россия, в свою очередь, начинает всё громче заявлять о беспрецедентности преступлений нацизма. Эта «историческая политика» (сам термин является относительно молодым) и лежит в основе тех событий, о которых мы говорим.

— **Возможно ли сегодня политически не ангажированное изучение истории ВМВ?**

— Надеюсь, что да.

— **Какие можно привести положительные примеры?**

— Трудно сказать «навскидку». Но я хочу заметить, что объективная историческая картина складывается из СОВОКУПНОСТИ различных точек зрения, каждая из которых может быть и политически небеспристрастной.

— **Есть ли историки, не являющиеся апологетами фашизма, рассматривающие ВМВ с ракурсов, альтернативных схеме «хорошие союзники и их плохие противники»?**

— Да, конечно. Это сторонники так называемого «ревизионистского» направления. Мне, в частности, оно весьма импонирует.

— **Расскажите, пожалуйста, о нем подробнее. Ведь часто между ревизионизмом и неонацизмом ставят почти знак равенства?**

— Ревизионизм в исторической науке в общем виде — это просто пересмотр какой-то устоявшейся точки зрения. Скажем, в 70-е годы, в период «разрядки» в американской советологии на смену представителям так называемой «тоталитарной» школы, утверждавшим, что советская внешняя политика определялась исключительно коммунистическими идеологическими установками, пришли молодые ревизионисты, которые доказывали, что внешнеполитические цели СССР ничем принципиально не отличались от аналогичных в других странах (например, США). Точно так же представители ревизионистского направления истории ВМВ — это просто исследователи, отвергающие мейнстрим, то есть «историографию победителей». Разумеется, некоторые из них могут быть мотивированы и симпатией к нацизму, но совершенно не обязательно.

— **Как в «историографии победителей» рассматриваются бомбардировка Дрездена, сбрасывание атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки, изнасилования немецких женщин военнопленными советской армии и подобные нелицеприятные для победителей темы?**

— Ну, это смотря какие победители. :) Понятно, что американские, к примеру, авторы, представляющие мейнстрим, будут оправдывать бомбардировки Дрездена и Хиросимы, и, напротив — осуждать насилия над немецкими женщинами со стороны советских солдат. Их советские коллеги будут давать противоположные оценки.

— **Какие ревизионистские работы по ВМВ вы могли бы порекомендовать?**

— Ну, например, книгу В. Молодякова «Несостоявшаяся ось: Берлин-Москва-Токио». Любопытна также работа М. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина». Мельтюхов является практически единственным представителем академического сообщества, который поддержал известную теорию В. Суворова (Резуна), но при этом в идеологическом плане является страстным критиком Суворова.

— **Какие вопросы касательно ВМВ считаются дискуссионными в нынешней российской исторической науке?**

— Очень многие. Вопросы кануна и начала войны, к примеру. Вопросы планирования и ведения боевых действий (например, роль так называемой операции «Марс» в 1942 году). Вопросы взаимоотношений в антигитлеровской коалиции и послевоенного мироустройства и т.д. За без малого два постсоветских десятилетия отечественная историография ВМВ проделала большой путь. Избавившись от идеологического диктата КПСС и получив доступ к архивным материалам (пусть и ограниченный), российские исследователи смогли внести существенные коррективы в наши представления об этом ярчайшем и чрезвычайно драматическом событии истории человечества. Среди наиболее актуальных тем и сюжетов, занимающих как академических исследователей, так и публицистов, безусловно «лидирует» сюжет, связанный с началом Великой отечественной войны. Мощнейший интерес к этой теме, спровоцированный в начале 1990-х годов, не угасает до сих пор. Работы Мельтюхова, Городецкого, Волкова, Исаева и других не оставили камня на камне от старой советской концепции «внезапного нападения», равно как и от перестроенной версии, (восходящей, впрочем, к хрущёвской эпохе), о «Сталине, отказывающемся верить очевидным фактам». Отдельным направлением в историографии выступает рассмотрение вопросов истории вооружения и боевой техники (стрелкового, артиллерийского, авиационного, танкового). Стараниями специализирующихся в данной области исследователей (Федосеев, Попенкер, Широ-

корад, Перов, Растренин, Маслов, Свиринов, Барятинский, и др.), использовавших ставшие доступными в последние годы отечественные и германские документы, получена картина, сильно отличавшаяся от той, что изображалась советскими авторами. Советские образцы, которые было принято изображать «лучшими в мире» и «не имеющими аналогов», вовсе не были столь уж совершенными, поскольку СССР в индустриальном плане существенно отставал от Германии. Однако они были технологичными и хорошо приспособленными для массового производства. Важно также отметить, что российское общество в целом поддерживает существование определённых «табу» в отношении истории ВМВ. Одним из них, например, является неприятие информации о поражённых настроениях в первые недели и месяцы войны, несмотря на обилие фактов, указывающих на их наличие и достаточ-

ную распространённость. Положение мирного населения по обе стороны фронта — ещё одна проблема, активно занимающая современных историков. Важнейшими источниками по её изучению являются документы спецслужб, как советских, так и германских. Что касается связи между работами историков и господствующего в обществе отношения к истории ВМВ, то не следует переоценивать уровень её детерминированности. Во всех странах, включая демократические, общество, как правило, историей в научном смысле интересуется мало. Люди обычно довольствуются теми историческими мифами, которыми пичкают их школа, кинематограф и СМИ. Круг потребителя научно-исторической информации ограничен теми же членами научного сообщества да сравнительно тонким слоем любителей истории, общество в целом к ней достаточно индифферентно. В этом плане создание президентской комиссии вряд ли что-то изменит кардинально. Хотя, разумеется, усиление идеологического диктата и угроза уголовных репрессий никогда не способствовали повышению плодотворности научных дискуссий, являющихся основным способом установления исторической истины.

Беседовал Валерий Листьев

Патриотический взгляд на историю

<http://kot-begemott.livejournal.com/466381.html>: «Если человек начинает критиковать наше прошлое, выискивая любые в нём недостатки — то он по любому русофоб. И это всегда чувствуется по его общению, по его текстам. Меня поразило, и поражает до сих пор, что Церковь продолжает активно муссировать тему пострадавших священников, сталинских лагерей... Они что, ничего не понимают? Сейчас уже не имеет значения, были репрессии, или нет. Это второстепенное, проблема для узких специалистов. И если человек ругает СССР, наших авторов и культуру, наши праздники и традиции, или, скажем, Российскую Империю в целом — мол, то-то у нас было совсем плохо, здесь мы кого-то позорно не догоняли — то будь хоть стопроцентный славянин, он точно враг русского народа. Безотносительно того, прав он, или нет по существу дела. Ибо существо дела сейчас совсем в другом. Наша общая задача сейчас — позитив и энергия».